

**ВАРИАНТЫ ФЛЕКСИЙ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА -А И -У В СЛОВАХ
МУЖСКОГО РОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ
И.Т. ПОСОШКОВА)**

В статье рассматривается параллельное использование флексий родительного падежа единственного числа -а и -у в словах мужского рода на материале сохранившихся сочинений публициста первой трети XVIII века И. Т. Посошкова. В частности, изучаются причины наличия в исследуемых сочинениях двух типов окончаний, ограниченного употребления флексии -у и функционирование форм родительного падежа на -у/-ю и на -а/-я в современном русском языке.

Ключевые слова: русский литературный язык, первая треть XVIII века, родительный падеж, флексии, современный русский язык

Иван Тихонович Посошков – писатель, изобретатель, предприниматель, первый русский теоретик-экономист, активный гражданин, трудолюбивая, энергичная личность, яркий представитель России рубежа XVII-XVIII веков. По словам исследователя его жизни и творчества А.А. Царевского, Посошков является живым порождением своей эпохи, «искусственно ускоренной в естественном процессе роста и развития» /Царевский, 1883: 5/.

Время, когда жил Посошков, известное как Петровское время, Петровская эпоха, ознаменовалось как время изменения статуса страны, просвещения народа, развития науки и техники, торговли, установления дипломатических отношений. Все это требовало более совершенных средств передачи информации, т.к. новые понятия невозможно было передать языковыми средствами церковнославянского языка, который к тому времени уже носил сакральный характер и был языком богослужения.

Новая государственность требовала нового языка, доступного всем слоям населения страны. Следовательно, происходящие в языке изменения ярко отражались в сочинениях того времени, в том числе и в трудах Посошкова.

Сочинения И.Т. Посошкова не только позволяют составить полную и правдивую картину жизни России, но и являются драгоценным источником для изучения русского литературного языка первой трети XVIII века.

Из различных источников известно, что перу Посошкова принадлежат такие работы, как «Письмо о денежном деле» (1701 год), «Доношение о ратном поведении» (1700-1701 годы), «Зеркало очевидное» (1709 год),

«Отеческое завещательно поучение» (1708 год); «О новоначинающихся деньгах доношение Его Величеству» (1718 год), «Завещание отеческое сыну своему» (1719 год), а также три письма Стефану Яворскому, в которых поднимаются острые вопросы, связанные с образованием и воспитанием народа, с церковью и религией, и главный труд Посошкова – «Книга о скудости и богатстве» (1724 год) – первый в России трактат по экономике.

Предметом исследования в данной статье являются дошедшие до нас сочинения Посошкова: «Доношение о ратном поведении», «Отеческое завещательно поучение», «Зеркало очевидное», «Завещание отеческое сыну своему», три письма Стефану Яворскому и «Книга о скудости и богатстве».

При проведении лингвистического анализа сочинений Посошкова нами были рассмотрены некоторые грамматические особенности языка трудов публициста, ярко отражающие языковую ситуацию в рассматриваемый период.

Объектом исследования в данной статье стали варианты флексий слов мужского рода в родительном падеже единственного числа.

Как отмечает А.А. Алексеев, грамматическая система национального русского языка сформировалась в XVI-XVII веках, а в XVIII век этот язык пришел уже в готовом виде /Алексеев, 2013: 66/. Так, для формирования русского национального языка – систематизирования, выработки единых норм – потребовалось полтора-два века.

При изучении падежной системы имени существительного в сочинениях И.Т. Посошкова нами было отмечено параллельное использование флексий в некоторых падежных словоформах, что связано с перестройкой системы склонения имени существительного (IX-XIV века), когда все существительные распределились по трем склонениям по родовому принципу.

Для слов женского и среднего рода в форме родительного падежа установились флексии соответственно *-ы/-и* и *-а/-я*, например:

«Доношение о ратном поведении»

«А острое ружье вельми страшитъ всякаго челоуѣка, потому что рана отъ него тяжела, и платье не защититъ отъ раны» (стр. 278);

«И аще кто речетъ: нынѣшня де Ругодевская служба учинилась злочастна отъ воли Божіей, да отъ измѣны, анне отъ плохости какой...» (стр. 278);

Второе письмо Стефану Яворскому

«И для россійския славы, напичае жь ради доуховныя пользы довелось бы въ Россіи соорудити академія великія...» (стр. 22);

«А естли же, государь, нынѣшняго настоящаго обыкновения не изменить, то никогда намъ въ Россіи добра не видать» (стр. 24);

Третье письмо Стефану Яворскому

«...аще бо они научатся, то и насъ научатъ и на путь спасенія наставятъ...» (стр. 31);

«...а буде на срокъ не привезеть такового писма, то по тому жь, вынявъ изъ земли, извергать внѣ града псамъ на снѣденіе, дабы и по смерти враги святыя церкви при святеи церкви погребены не были...» (стр. 35);

«Книга о скудости и богатстве»

«И ради такового исправления, мне ся мнит, его императорскому величеству надлежит...» (стр. 22).

Однако в результате процесса унификации падежных окончаний возникли варианты флексий у слов мужского рода, преимущественно, односложных, с подвижным ударением, а также у префиксальных слов, слов славянского происхождения, особенно в полногласных корнях или у топонимов, в форме некоторых падежей единственного числа /См.: Колесов, 2009: 164/.

При проведении анализа языка сочинений Посошкова нами было замечено параллельное использование флексий *-a* и *-y* в формах родительного падежа у слов мужского рода II склонения с древней основой на **ǫ*.

Подобные варианты возникли вследствие взаимовлияния двух типов склонения – слов мужского рода II склонения с твердой основой на **ǫ* и слов мужского рода III склонения с основой на **ǫ*, которые в формах родительного падежа единственного числа имели флексии *-a* и *-y* соответственно.

Известно, что склонение на **ǫ* было непродуктивным, т.к. туда входила небольшая группа слов, и взаимодействие со II склонением на **ǫ* началось достаточно рано, т.к. еще в праславянском языке формы именительного-винительного падежа единственного числа слов мужского рода, входящих в эти склонения, имели одинаковые окончания, имели свои парадигмы склонения.

Выравнивание по типу II склонения на **ǫ* вызвано тем, что к этому типу склонения относилось подавляющее большинство слов мужского рода с твердой основой, а в исходной форме слова обоих типов склонения совпадали.

Уже в памятниках XI-XII веков происходит замена окончания *-y* на флексию *-a* у слов III склонения. Во второй половине XVII века и в начале XVIII века во всех семантических группах возрастает количество словоформ на *-a* /Колесов, 2000: 139/.

Дистрибуция рассматриваемых флексий объясняется учеными по-разному. Так, одни ученые считают, что флексия *-a* была закреплена за ограниченной группой слов – *воздух, двор, караул, остров, острожек, порог, пруд, рубеж*.

Другие выделяют в грамматической истории родительного падежа три важнейших периода: первый – древнейший – унификация форм существительных мужского рода (флексия *-y* – показатель мужского рода), когда происходит усиление грамматического рода в склонении; второй – грамматикализация значения исчисляемости-неисчисляемости, дифференциация

ция грамматических форм существительных нумеральной и анумеральной семантики, т.е. происходит развитие категории числа; третий – формирование значения родительного-партитивного /См.: Кортава, 1998: 43/.

Так, формы на *-а* закреплялись за значениями собственно родительного падежа, а формы на *-у* – для выражения значений партитивного и отложительного падежей /Горшкова, Хабургаев, 1981: 187/.

В рассматриваемых трудах И.Т. Посошкова наблюдается использование обоих типов флексий, что объясняется тем, что сосуществование обоих типов окончаний продолжалось достаточно долго в качестве вариантов. Приведем подтверждающее сказанное примеры.

1. Первое письмо Стефану Яворскому

«... *аще же уже въ самую исповѣдь въмѣститъ невозможно, то хотя бѣ на концѣ требника*» (стр. 309);

«...*кои у него иконы принесены изъ дому...*» (стр. 315);

2. Второе письмо Стефану Яворскому

«... *ово отъ діавола, ово отъ еретическихъ учениі, яко отъ ветру, сокрушилас ово жь отъ своего многомыслія...*» (стр. 20);

«...*чтобъ ихъ не то что пастыри, но и простолюдины бѣ знали въ конецъ, что въ нихъ пороку*» (стр. 25);

«...*то отъ Бога примешь вечное наслаждение, а отъ великого государя чести повышение, а отъ народа руссiйскаго благодарение до скончаниа века*» (стр. 32);

3. Третье письмо Стефану Яворскому

«*Того то году и месѣца и числа въ томъ то часу дня или ноци родился младенець мужеска или женска полу...*» (стр. 34);

«...*записать, чьи они дѣти и ихъ ли проходу, или есть и приносные и изъ иныхъ приходовъ, и какъ коего младенца зовут...*» (стр. 38);

«...*и впредь по вся годы во вся дни живота своего, списки списавъ, относить въ приказ, не замотчавъ послѣ года*» (стр. 42);

4. «Доношение о ратном поведении»

«...*со исчисленіемъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и оружейнаго расходу*»

«... *пѣхоте денежнаго жалованья, напримѣрь, положить хотя по 10 рублевъ на годъ, хлѣба по 10 четвертей на человѣка...*» (стр. 274);

«*И всего жалованья, и ружья, и пороху, и на 3 мѣсяца корму, иметца 569 900 руб.*» (стр. 276)

«*Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублевъ, и то почитаютъ Великому Государю въ прибыль, а въ то мѣсто изьяну чинятъ на многія тысячи*» (стр. 274)

5. «Отеческое завещательное поучение»

«...инъ иноземець Инженеръ въ случаѣ коего града или мѣста...» (стр. 208);

«...аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострешься...» (стр. 303);

6. «Зеркало очевидное»

«...даждь, Господи, еже не осуждати брата нашего...» (стр. 73);

«Иніи жь уставъ имуть воздержный: мясо не ядятъ, вина не пьют, и не токмо отъ блуда, но и от законнаго брака удаляются...» (стр. 141);

«Нѣсть бо части свѣту со тьмою, но она да будетъ тьма во всем своемъ темностномъ имѣть, свѣтъ же во свѣтлостномъ» (стр. 68).

7. «Завещание отеческое»

«Возжелаша бо вместо света тму, вместо же вечные радости вечную горестъ, за еже приемлют от явнаго законопреступника и ростриги Мартина Лютора, самого известнаго блудника, и тако самоизволне сами ся в вечную погибель реют» (стр. 6);

«Так ведите, чтоб и взгляду вашего боялись» (стр. 53);

8. «Книга о скудости и богатстве»

«...то быть бы их и неволею и учить грамматике и всякаго книжнаго разума» (стр. 24);

«...дабы на духовной чин пороку не наносили» (стр. 32);

«... и в каковом наказании детей своих родных растити и как их страху божию учити...» (стр. 33);

«И сам я не без страха, что в такое дело великое вступих, обаче буди божия воля, он вся вестъ, чего ради дерзнух» (стр. 36);

«...он ни ответчика, ни себя в убыток бы ни вводил и вражду свою порвали б без допросов, чтобы им обоим убытку напраснаго не было» (стр. 62);

«И буде кто учинит и пиршество, аще и про высокие персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме тобаку...» (стр. 135);

«И уже ни коими делы отбыть от платежа невозможно будет, потому что без платежные выписки нельзя никуда того товару повести...» (стр. 214).

Как видно из приведенных фрагментов сочинений Посошкова, в языке первой трети XVIII века оба окончания функционировали, и обе флексии были достаточно употребительными.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в труде «Зеркало очевидное» автор в редких случаях использует флексию -у в родительном

падеже единственного числа в словах мужского рода, что связано с тематикой сочинения, выдержанного в церковнославянском стиле.

Уже позднее М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» разграничил области употребления этих двух флексий и отнес флексию *-а* к «высокому стилю», а флексию *-у* – к низкому.

Об использовании флексии *-у* в XVIII веке и ее варьировании с флексией *-а* свидетельствуют новые заимствования из европейских языков, например:

«А чаю, Государь, доведетца того мастера жестоко наказать, чьей работы ружье разорветъ, потому что онъ будетъ челоуѣкоубійца» (стр. 280) («**Донoшение о ратном поведении**»);

«... взять у купца товар, да штрафу толико ж число, колико за товар дано» (стр. 216) («**Книга о скудости и богатстве**»).

В дальнейшем расширение сферы использования окончания *-а* в памятниках деловой письменности XVIII века у слов мужского рода в форме родительного падежа единственного числа привело к ограниченному функционированию флексии *-у* и последующему ее вытеснению.

В современном литературном языке, как отмечается в «Русской грамматике», формы родительного падежа на *-у/-ю* вытесняются формами на *-а/-я*, а основными сферами употребления форм родительного падежа на *-у* являются разговорная речь и отражающие ее жанры художественной литературы.

Причины того, что употребление формы родительного падежа на *-у* постепенно идет на убыль, заключаются, «с одной стороны, в лексико-семантических, фразеологических и стилистических ограничениях ее употребления, с другой стороны, в неограниченности и нормативности форм на *-а* в свободных, а отчасти и во фразеологических соединениях» /Русская грамматика, 1980: 487/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013.
2. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. школа, 1981.
3. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /В. В. Колесов, СПб., Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009.
4. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М.: Изд-во МГУ, 1998.
5. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII - XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М.: Изд-во МПУ, 2000.

